

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ

Ведьмак

ANDRZEJ SAPKOWSKI

SEZON BURZ

DROGA, Z KTÓREJ SIĘ NIE WRACA

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ

Ведьмак

СЕЗОН ГРОЗ

ДОРОГА БЕЗ ВОЗВРАТА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

C19

Andrzej Sapkowski

SEZON BURZ

A COLLECTION OF STORIES AND ESSAYS

(Droga, z której się nie wraca; Coś się kończy, coś się zaczyna;
Bestiariusz; Muzykanci; Złote popołudnie; Maladie;
Kensington Gardens; Poradnik dla piszących fantasy;
Piróg albo Nie ma złota w Szarych Górach)

Перевод с польского

Художник *Д. Андреев*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Публикуется с разрешения автора и его литературного агентства
NOWA Publishers (Польша) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия).

Сапковский, Анджей.

C19 Сезон гроз ; Дорога без возврата / Анджей Сапковский ; [перевод с польского]. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 608 с.

ISBN 978-5-17-133725-4

Геральт из Ривии, герой на все времена, наконец воссоединяется со своей любимой Йеннифер. Свадьба, тосты, цветы и улыбки...

Неужели на этом всё — и не будет больше приключений и опасностей, волшебства и сражений?

Конечно же, нет! Ведь герои никогда не перестают быть героями, а испытаниям нет конца.

В романе «Сезон гроз», написанном спустя 15 лет после основного цикла, Анджей Сапковский вновь обращается к началу «творческого пути» Геральта, занятого охотой на монстров и злокозненных чародеев. И в который раз подтверждается истина, что чудовища в человеческом обличье — самые опасные...

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

© Andrzej Sapkowski, 1988, 1990, 1992, 1993, 1994, 1995, 2001

© Andrzej Sapkowski, Warszawa 2014

© Перевод. С. Легеза, 2020

© Перевод Е. Вайсброт, наследники, 2020

© Перевод. Г. Мурадян, Е. Барзова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Сезон гроз

*От упырей, от окаянцев,
от тварей длиннопалых
и от тварей, что по ночам стучатся,
Избави нас, добрый Боже!*

Молитва просительная, известная как
«The Cornish Litanу», датируемая XIV–XV вв.

*Говорят, что прогресс разгоняет тьму. Но всегда, всегда бу-
дет суца тьма. И всегда во тьме будет Зло, всегда будут во тьме
клыки и когти, убийство и кровь. Всегда будут твари, что по но-
чам стучатся. А мы, ведьмаки, — суци, чтобы постучаться
к оным.*

Весемир из Каэр Морхена

*Кто сражается с чудовищами, должен остерегаться, чтобы
самому не стать чудовищем. Если долго смотришь в бездну, бездна
тоже смотрит в тебя.*

Фридрих Ницше

*По ту сторону добра и зла*¹

*Смотреть в бездну, по-моему, — полный идиотизм. В мире
есть множество вещей куда более достойных того, чтобы на них
смотреть.*

Лютик

Полвека поэзии

¹ Пер. Н. Полилова. — Здесь и далее, кроме отдельно оговорен-
ных случаев, — примеч. пер.

Глава первая

Жил он лишь для того, чтобы убивать.
Лежал на прогретом солнцем песке.

Ощущал вибрации прижатыми к тверди щетинками и перистыми усиками. Хотя вибрации все еще были далеко, Идр чувствовал их отчетливо и явственно, мог определить по ним не только направление и скорость движения жертвы, но и ее вес. Для большинства хищников, что охотились сходным образом, вес жертвы имел значение первостепенное: красться, нападать, догонять означало расходовать энергию, что и приходилось восполнять энергетической ценностью пищи. Большинство подобных Идру хищников отказывалось от нападения, если добыча была слишком мала. Но не Идр. Идр существовал не для того, чтобы жрать и поддерживать род. Не для того был он создан.

Жил он для того, чтобы убивать.

Осторожно двигая конечностями, он вылез из ямины, переполз через трухлявый ствол, в три прыжка пересек бурелом, призраком метнулся через поляну, нырнул в поросший папоротником подлесок, утонул в чащобе. Двигался быстро и бесшумно, то бегом, то, словно огромный кузнечик, скачками.

Нырнул в сухостой, припал к земле сегментированной броней брюха. Вибрации грунта становились все отчетливей. Импульсы от вибрисс и щетинок Идра складывались в картинку. В план. Идр уже знал, как добраться до жерт-

вы, в каком месте пересечь ей дорогу, как обратить ее в бегство, как длинным прыжком пасть на нее сзади, на какой высоте ударить, рубануть острыми, словно бритвы, жвалами. Вибрации и импульсы уже вздымали в нем радость, которую Идр познаёт, когда жертва забьется под его тяжестью, эйфорию, которую доставит ему вкус горячей крови. Наслаждение, которое он испытает, когда воздух прошьет вопль боли. Он слегка вздрагивал, раскрывая и смыкая клешни и педипальпы.

Колебания почвы были предельно отчетливы, а еще они сделались дифференцированы. Идр уже знал, что жертв больше, скорее всего три, возможно — четыре. Две сотрясали землю привычным образом, вибрации от третьей указывали на малую массу и размер. Четвертая же — если и вправду была некая четвертая — вызывала колебания спорадичные, слабые и нечеткие. Идр сделался недвижим, напряг и выставил над травую антенны, исследовал движение воздуха.

Вибрация почвы наконец-то донесла сигнал, которого Идр дожидался. Жертвы разделились. Одна, меньшая, осталась позади. А та четвертая, та неотчетливая, исчезла. Это был ложный сигнал, обманчивое эхо. Идр его проигнорировал.

Маленькая добыча еще больше отдалилась от остальных. Почва затряслась сильнее. И ближе. Идр напряг задние конечности, оттолкнулся и прыгнул.

* * *

Девочка испуганно вскрикнула. Вместо того чтобы убежать, она замерла на месте. И непрерывно кричала.

* * *

Ведьмак кинулся к ней, в прыжке выхватывая меч. И тут же понял: что-то не так. Его обвели вокруг пальца.

Мужчина, тянувший тележку с хворостом, заорал и на глазах Геральта взлетел на сажень вверх, кровь же из него брызнула широко и обильно. Он упал, чтобы тотчас взлететь снова, на этот раз двумя истекающими кровью кусками. Уже не кричал. Теперь пронзительно вопила женщина, как и дочь, — замершая и парализованная страхом.

Не веря, что ему это удастся, ведьмак все же сумел ее спасти. Подскочил к забрызганной кровью женщине и сильно толкнул, отшвыривая ее с тропинки в лес, в папоротники. И сразу понял, что это тоже было хитростью. Фортелем. Ибо серый, плоский, многоногий и невероятно быстрый силуэт уже удалялся от тележки и первой жертвы. Двигался ко второй. К по-прежнему кричавшей девочке. Геральт метнулся следом.

Если бы та стояла на месте — он наверняка бы не успел. Но девочка поняла, что к чему, и стремглав кинулась наутек. Серая тварь, однако, добралась бы до нее быстро и без усилий — добралась бы, убила и вернулась, чтобы вдобавок прикончить и женщину. Так бы и случилось, не будь там ведьмака.

Он догнал тварь, прыгнул, придавил каблуком одну из задних конечностей. Не отскочи в тот же миг, лишился бы ноги — серая тварь с невероятным проворством вывернулась, а ее серповидные клешни клацнули, промахнувшись лишь на волос. Прежде чем ведьмак восстановил равновесие, тварь оттолкнулась от земли и атаковала. Геральт парировал рефлекторным, широким и довольно бестолковым ударом меча; отбросил тварь. Урона ей не нанес, но перехватил инициативу.

Сорвался с места, подскочил, рубя от уха, развалив панцирь на плоской головогруды. Прежде чем ошеломленная тварь опомнилась, вторым ударом отсек ей левое жвало. Тварь кинулась на него, взмахивая лапами, стараясь прободать, словно тур, оставшимся жвалом. Ведьмак отрубил и его. Быстрым обратным ударом отхлестнул одну из педипальп. И снова рубанул в головогрудь.

* * *

До Идра наконец-то дошло, что он в опасности. Что должен убежать. Должен убежать, убежать далеко, зарыться куда-нибудь, укрыться. Он жил лишь затем, чтобы убивать. Чтобы убивать — он должен регенерировать. Должен убежать... Убежать...

* * *

Убежать ведьмак ему не позволил. Догнал, наступил на задний сегмент туловища, ударил сверху, наотмашь. На

этот раз броня головогруды уступила, из разлома брызнула и полилась густая зеленоватая сукровица. Тварь дергалась, конечности исступленно молотили по земле.

Геральт ударил мечом, напрочь отрубая плоскую голову от остального тулова.

Тяжело дышал.

Вдали загремело. Поднявшийся ветер и быстро темневшее небо возвещали близкую грозу.

* * *

Альберт Смутька, новоназначенный волостной жупан, уже при первой встрече напомнил Геральту брюкву — был округл, неопрятен, толстокож и совершенно никакков. Другими словами, не слишком-то отличался от прочих служащих волостного уровня, с какими Геральту приходилось иметь дело.

— Получается, что это правда, — сказал жупан. — Что как ведьмак ты в работе справный.

— Йонас, предшественник мой, — продолжил он через минутку, так и не дождавшись никакой реакции от Геральта, — нахвалиться на тебя не мог. Подумать токмо, а я полагал — дурит он. Стало быть, не доверял я ему, выходит. Знаю ж, как быль сказкой обрастает. Особенно у люда темного, у того, где что ни слово — так чудо али диво, али иной какой ведьмак сил нелюдских. А тут — нате, вылезает, что оно правда истинная. Там, в бору, за речушкой-то, людшек сгнуло — не счесть. А поскольку там дорога к городку прямая, они тудой и ходили, дурни... На погибель собственную. На предупрежденья невзирая. Нонче такое уж времечко, что по пустошам лучше не шляться, по лесам не лазить. Всюду чудища, всюду людоедцы. В Темерии, на Тукайском Погорье, давеча жуткое дело стряслось, пятнадцатерых людей упырь какой-то в углежогском хуторке поубивал. Хутор тот Роговизной звался. Слышал наверняка ж. Нет? Но правду говорю, чтоб я сдох. Даже чернокнижники, болтают, в той Роговизне следствие вели. Ну, да что болтать? Мы нынче здесь, в Ансегисе, в безопасности. Благодаря тебе.

Он вынул из комода шкатулку. Развернул на столе лист бумаги, макнул перо в чернильницу.

— Обещал ты, что страшилище убьешь, — сказал жупан, не поднимая головы. — Получается, слов на ветер не бросаешь. Человек ты верный, как для бродяги... Да и людишкам тамошним жизнь спас. Бабе и девке. Поблагодарили они хоть? Пали в ножки?

Не пали, поиграл желваками ведьмак. Потому как еще в себя не пришли. А пока придут — я уж отсюда и уеду. Пока они поймут, что я их использовал как приманку, в самонадеянной гордыне уверенный, что сумею защитить всех троих. Я уеду, прежде чем до девочки дойдет, что из-за меня она теперь полусирота.

Чувствовал он себя погано. Наверняка был это результат использованных перед боем эликсиров. Наверняка.

— Сей же монструм, — жупан посыпал бумагу песком, а потом стряхнул песок на пол, — истинная мерзость. Я глянул на труп, когда принесли... Что оно такое было?

Геральт тоже сомневался в видовой принадлежности твари, но не собирался признаваться.

— Арахноморф.

Альберт Смутька пожевал губами, тщетно пытаясь повторить.

— Тьфу ж ты, как звали — так звали, пошло оно псу под хвост. Это тем мечом ты его засек? Этим вот клинком? Можно глянуть?

— Не можно.

— Ха, верно, потому что зачатое лезвие. Да и дорогое поди... Лакомый кусочек... Ну, мы-то здесь ля-ля-ля, а времечко бежит. Договор исполнен, пора платить. Но сперва — формальности. Распишись-ка на фактуре. Значится, крестик поставь или иной какой знак.

Ведмак взял поданный ему счет, повернулся к свету.

— Гляньте на него, — кривясь, покачал головой жупан. — Типа чего, читать умеет?

Геральт положил бумагу на стол, толкнул в сторону чиновника.

— В документ, — сказал тихо и спокойно, — вкралась ошибка. Мы договаривались на пятьдесят крон. Счет составлен на восемьдесят.

Альберт Смутька сплел пальцы, положив на них подбородок.

— Это не ошибка, — он тоже понизил голос, — а, скорее, знак признания. Ты убил страшное страшилище, а оно наверняка ведь непростая была работенка... Сумма никого не удивит...

— Не понимаю.

— Ага, как же. Не изображай невинность. Сказать мне хочешь, что Йонас, когда здесь правил, не выставлял тебе таких фактур? Голову на отсечение дам, что...

— Что — «что»? — оборвал его Геральт. — Что он завышал счета? А разницу, на которую облегчал королевскую казну, делил со мной напополам?

— Напополам? — жупан скривился. — Ты не слишком-то, ведьмак, не слишком. Подумать только, важный какой! Ты с разницы треть получишь. Десять крон. Для тебя оно и так премия немалая. А мне больше надлежит получать хотя б из-за положения моего. Урядникам державным следует быть состоятельными. Чем урядник державный состоятельней, тем и державы престиж выше. Да что бы ты о таком знал?.. Наскучил мне уже наш разговор. Подпишешь счет или как?

Дождь стучал по крыше, снаружи лило как из ведра. Но уже не гремело, гроза уходила.

Интерлюдия

Двумя днями позже

— Милости просим, уважаемая, — властно склонил голову Белогун, король Керака. — Милости просим. Слуги, стул!

Свод комнаты украшал плафон — фреска, представлявшая парусник меж волн, тритонов, гиппокампов и созданий, напоминавших омаров. Фреска же на одной из стен была картой мира. Картой, как давно удостоверилась Коралл, предельно фантастической, с реальным положением суши и вод не имеющей ничего общего. Но симпатичной и выполненной со вкусом.

Два пажа приволокли и установили тяжелое резное кресло. Чародейка села, возложив руки на подлокотники так, чтоб ее усеянные рубинами браслеты были хорошо видны и оказались в центре внимания. На завитых волосах ее возлегала еще и рубиновая диадема, а в глубоком декольте — рубиновое кольцо. Все специально для аудиенции у короля. Она хотела произвести впечатление. И производила. Король Белогун тарашил гляделки, не понять — на рубины или на декольте.

Белогун, сын Осмика, был, можно сказать, королем в первом поколении. Отец его сколотил немалое состояние на морской торговле и, как поговаривали, на морском разбое. Прикончив конкурентов и монополизировав каботажные рейсы, Осмик провозгласил себя королем. Акт самозваной коронации, по сути, лишь формализовал статус-кво, а потому не возбудил серьезных возражений, как не

вызвал и протестов. Во время предыдущих малых войн и войнушек Осмик разрешил конфликты — пограничные и властные — с соседями, Вердэном и Цидарисом. Стало ясно, где Керак начинается, где заканчивается и кто в нем правит. А коль правит — то он король, и надлежит ему носить таковой титул. Естественным образом титул и власть переходят от отца к сыну, а потому никто и не удивился, что после смерти Осмика на трон сел его наследник, Белогун. Правда, сыновей у Осмика было чуть поболее, как минимум еще четверо, но все они отреклись от права на корону, а один вроде бы даже добровольно. Так вот и вышло, что Белогун правил в Кераке уже лет двадцать с гаком, согласно семейной традиции извлекая прибыль с верфей, транспорта, рыболовства и пиратства.

Нынче же король Белогун давал прием: на троне, на возвышении, в собольем колпаке, со скипетром в руке. Величественный, словно жук-навозник на коровьей лепешке.

— Почтенная и милая сердцу нашему госпожа Литта Нейд, — приветствовал он. — Возлюбленная наша чародейка Литта Нейд. Ты изволила снова проведать Керак. И должно быть, снова надолго?

— Мне полезен морской воздух. — Коралл провокационно положила ногу на ногу, демонстрируя туфельку на модной нынче пробке. — По милостивому разрешению вашего королевского величества, конечно.

Король повел взглядом по сидевшим подле сыновьям. Долговязые, словно орясины, оба они ничем не напоминали отца: костистого, жилистого, однако ростом, увы, не вышедшего. Да и братьями они не казались. Старший, Эгмунд, черный, словно ворон. Ксандер, чуть помладше, блондин, почти альбинос. Оба поглядывали на Литту без симпатии. Их явно раздражала привилегия, в силу которой чародеи в присутствии королей сидели, а аудиенции им давали на стульях. Однако привилегия была распространена широко, и никто, почитавший себя цивилизованным, не смел ею пренебречь. А сыновья Белогуна весьма желали сойти за цивилизованных.

— Милостивое разрешение, — медленно проговорил Белогун, — мы дадим. С определенной оговоркой.

Коралл подняла руку и принялась внимательно разглядывать ногти, демонстрируя, где именно она видала оговорки Белогуна. Король знака не воспринял. А если и воспринял, то умело это скрыл.

— Дошло до ушей наших, — засопел он гневно, — что бабам, которые детей не желают, уважаемая госпожа Нейд предлагает магические декокты. А тем, кто уже в тяжести, помогает плод сбросить. Мы же здесь, в Кераке, такую процедуру полагаем аморальной.

— То, на что у женщины есть природное право, — сухо ответствовала Коралл, — не может быть аморальным *ipso facto*¹.

— Женщина, — король сел на троне ровно, худошавый и поджарый, — имеет право ожидать от мужчины лишь два дара: лето встретить в тяжести, а на зиму получить лапти из тонкого лыка. Как первый, так и второй дар должны заякорить женщину в доме. Ибо дом является местом для женщины соответствующим, природой ей предписанным. Женщина с большим пузом и цепляющимся за подол потомством от дома не удалится, и в голову ей никакие глупости не придут, а сие гарантирует также и спокойствие духа мужчины. Спокойный же духом мужчина способен тяжко трудиться за-ради умножения богатства и благосостояния своего владыки. Трудящемуся же в поте лица своего и без передыху, спокойному за чету свою мужчине в голову не придут также и никакие глупости. А коли женщине некто подскажет, что должна она рожать, когда пожелает, а когда не пожелает — то и не должна, да когда некто вдобавок подскажет ей способ и подсунет средство, тогда, почтенная, общественный порядок начнет рушиться.

— Верно, — вмешался принц Ксандер, уже давненько ждавший оказии, чтобы вмешаться. — Именно так.

— Женщина, отвергающая материнство, — продолжал Белогун, — женщина, кою не удерживают в дому живот, люлька и мальцы, вскоре уступит похоти, и се дело очевидное, неминуемое. И тогда же мужчина утратит внутреннее спокойствие и равновесие духа, в былой его гармонии

¹ В силу самого факта (лат.).